

Конец «Божественного порядка» или «новый Божественный порядок»?

Анатолий Вишневский

Юбилейная лекция 10 апреля 2015 года

Быстрый рост населения – явление новое. На протяжении тысячелетий оно росло очень медленно. Население Европы за первое тысячелетие нашей эры практически не выросло, часто оно сокращалось. Наметившийся в **XII-XIII** вв. рост был прерван страшной эпидемией чумы и только с **XV** в. приобрел устойчивый характер, хотя был не очень большим.

Рост ускорился в **XVIII** в. но даже тогда «направление динамики населения было неясно. Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли».

(Б. Урланис).

Не удивительно, что именно в **XVIII** в. появились первые попытки осмыслить этот новый феномен.

1741 году, в Берлине, вышел трактат немецкого лютеранского пастора Иоганна Петера Зюссмильха под названием «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением».

Титульный лист первого издания "Божественного порядка" 1741 года

Титульный лист издания "Божественного порядка" 1788 года

Нельзя сказать, что рост населения, тогда еще небольшой, сильно беспокоит Зюссмильха. Но он понимает, что необходимо поддерживать «равновесие числа людей. Перенаселение привело бы ко всеобщей войне».

Он не видит оснований утверждать, «что какая-нибудь земля, например Европа, может разместить и прокормить лишь определенное число людей и не более того... Надо только, чтобы размножение не шло слишком быстро, чтобы дать людям время на создание условий, которые соответствовали бы их большему числу».

Иными словами, согласно Зюссмильху, население не может расти бесконечно или, во всяком случае, с неконтролируемой скоростью.

Кто же контролирует этот рост? Ответ прост.

« Господь не только вседержитель мира и всех небесных тел в их движении и порядке, он неусыпно заботится и о людях, живущих на Земле, следит за превратностями судьбы, которые нам выпадают. Его тайное, но неоспоримое влияние всегда устанавливает такой порядок, что всех бедствий, которыми они грозят, удастся избежать... Все упорядочено и по количеству, и по пропорциям».

«Люди рождаются и умирают, но всегда в определенном соотношении. Рождаются, дети, девочки и мальчики вперемешку, но так, что порядок, однажды установленный Провидением, не нарушается. Люди умирают в разных возрастах, на первый взгляд совершенно случайно, как попало, но, при более внимательном изучении, оказывается, что и здесь пропорции предопределены. Ведь если от человека здесь зависит очень мало, а то и ничего не зависит, а возможность случайного совпадения до смешного мала, это укрепляет нас в вере в то, что Бог заботится о роде человеческом...».

Божественный порядок по Зюссмильху предполагает существование препятствий бесконтрольному росту населения.

«Главные из них, которые и чаще всего дают о себе знать, - это война, мор, а также голод, который в большинстве случаев им сопутствует. Но в число препятствий размножению, я включил также безбрачие очень многих людей, как и большие города».

Европейское средневековье жило под знаком четырех всадников Апокалипсиса. Они были неотъемлемой частью Божественного «порядка»

*Четыре всадника Апокалипсиса.
Альбрехт Дюрер, 1497-1498*

Конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить. (Христос? Антихрист?)

Конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. (Война?)

Конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. (Голод?)

Конь бледный, и на нем всадник, которому имя "смерть". (Чума?)

И ад следовал за ними; и дана им власть над четвертою частью земли - умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

Но к XVIII веку всадники Апокалипсиса уже не имели прежней власти над населением Европы, особо резкие всплески смертности прекратились, что и сделало возможным ускорившийся рост населения.

Это отражается и на представлениях Зюссмильха о Божественном порядке. Он убежден, что милосердному Богу нет надобности насылать войну и мор, чтобы ограничивать рост населения, потому что с этим прекрасно справляются другие названные им механизмы.

Среди них так называемая «европейская брачность» - поздняя и не всеобщая, которая приводила к заметному снижению рождаемости. Именно к более широкому распространению этой модели брачности призывал Мальтус, который, родившись четверть века спустя после выхода книги Зюссмильха, был гораздо больше озабочен ростом населения, который становился все более заметным.

Реже говорят о значении монашеского целибата, которому Зюссмильх придавал большое значение. В Европе XVIII века были свои childfree, которые назывались монахами, и их было немало.

Согласно подсчетам Зюссмильха, в католических странах Европы было 1300000 священников и обитателей монастырей, и если принять, что монахинь было столько же, сколько священников и монахов, то это уменьшало общее число браков на 650 тысяч и сокращало число рождений на 2650 тысяч каждые 33 года.

Видимо, это была реальная проблема того времени, потому что примерно тогда же (1761 г.) русский современник Зюссмильха Ломоносов писал:

«Вошло в обычай, что́ натуре человеческой противно..., что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается... Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини... Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет».

Но для нас сейчас важно другое.

Кризисные подъемы смертности в годы войн, эпидемий или голода в средневековой Европе происходили на фоне далеко не низкой смертности в обычные годы.

Зюссмильх не представлял себе, что она может быть иной, обычная высокая смертность казалась ему совершенно нормальной и обязательной частью Божественного порядка, а ее роль регулятора роста населения он считал вполне естественной.

«Бог может очень легко замедлить или ускорить размножение в зависимости от состояния мира... Это очень прост для Божественного Провидения. Для этого нужно только дать умереть несколько большему числу людей. И это можно сделать совершенно незаметно.

[Обычно] половина всех родившихся детей, умирают, не дожив до 10 лет. Таким образом, было бы достаточно, чтобы вместо половины умирало $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{5}$ или $\frac{4}{7}$ и т.д. детей, чтобы размножение сильно замедлилось. И кто же усомнится, что Божественное Провидение изберет столь безболезненный путь, а не ужасное бедствие чумы, если оно захочет предотвратить чрезмерное умножение массы людей? Подобно тому как Бог может легко ускорить размножение, давая больше жизненной силы детям, чтобы они не умирали в таком количестве и так быстро, он может столь же легко замедлить его, позволяя умирать большему их числу».

Таким образом, Зюссмильх оставляет за Богом возможность корректировать численность потомства с помощью младенческой смертности, и хорошо известно, что такая коррекция всегда имела место – и не без вмешательства людей. Ломоносов не зря упоминает детоубийство, это был один из способов такой коррекции, и он был довольно широко распространен.

«Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне у двух сестер-барышень помещиц. Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и, как это обыкновенно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, ненужного и мешавшего в работе ребенка, и он скоро умирал от голода. Так умерло пять детей. Всех их крестили, потом не кормили, и они умирали...» (Л. Толстой. Воскресение).

Были известны и другие методы ограничения потомства, в частности, аборт, хотя детоубийство было проще и безопаснее. В одном из докладов на съезде Общества русских врачей 1889 года говорилось, что «изгнание плода с преступной целью... не наблюдается среди народов России. Преступление это скорее заменяется убийством новорожденных детей».

Но все же во времена Зюссмильха и Ломоносова такие методы ограничения потомства были чем-то маргинальным, греховным, противоправным. Это была подпольная часть Божественного порядка, она всегда существовала, но всегда имела ограниченные масштабы.

Поведение основной массы людей соответствовало библейской заповеди: «Плодитесь и размножайтесь!», а главным контролером, сдерживавшим рост населения, оставалась естественная высокая смертность.

В середине XVIII века , когда писал свои сочинения Зюссмильх, в Европе регулирующая роль «нормальной» высокой смертности была настолько велика, что все остальные регуляторы имели лишь вспомогательное значение, и Божественный порядок казался незыблемым.

Но с конца XVIII века положение стало быстро меняться, в Европе стал разворачиваться эпидемиологический переход. Условной точкой его начала можно считать открытие английским врачом Эдвардом Дженнером метода вакцинации (от латинского «вакка», «корова») против оспы.

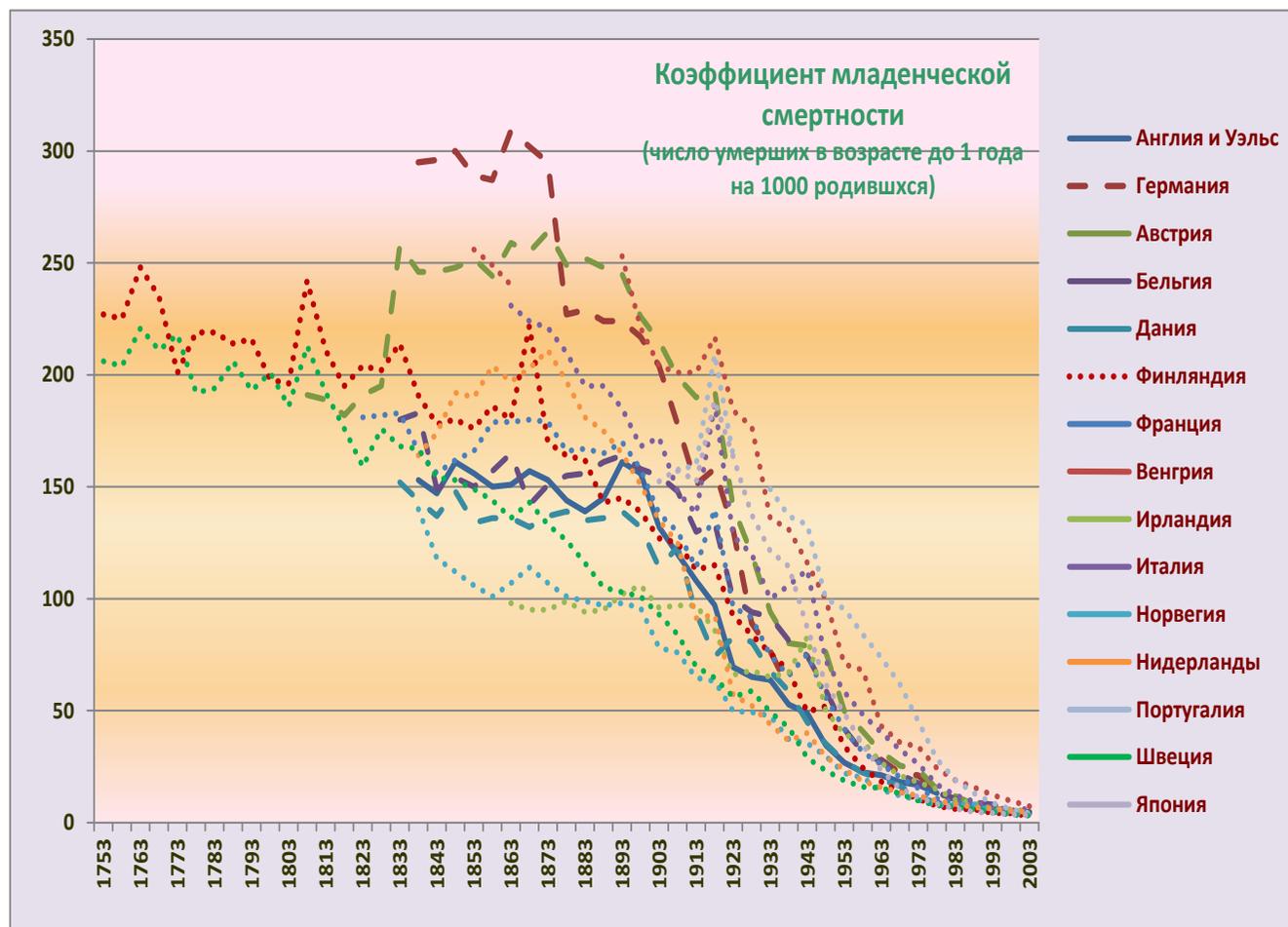
СОБОЮ ПОДАДА ПРИМЕР.

**МЕДАЛЬ, ОТЧЕКАНЕННАЯ В
ПАМЯТЬ О ПРИВИВКЕ
ЕКАТЕРИНОЙ II ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ОСПЫ СЕБЕ И СВОЕМУ СЫНУ,
БУДУЩЕМУ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ
12 ОКТЯБРЯ 1768 ГОДА.**

**Картина
французского
художника
Гастона-Теодора
Меллинга (1879)
«Эдвард Дженнер
делает в 1796 году
первую
вакцинацию
против оспы».**

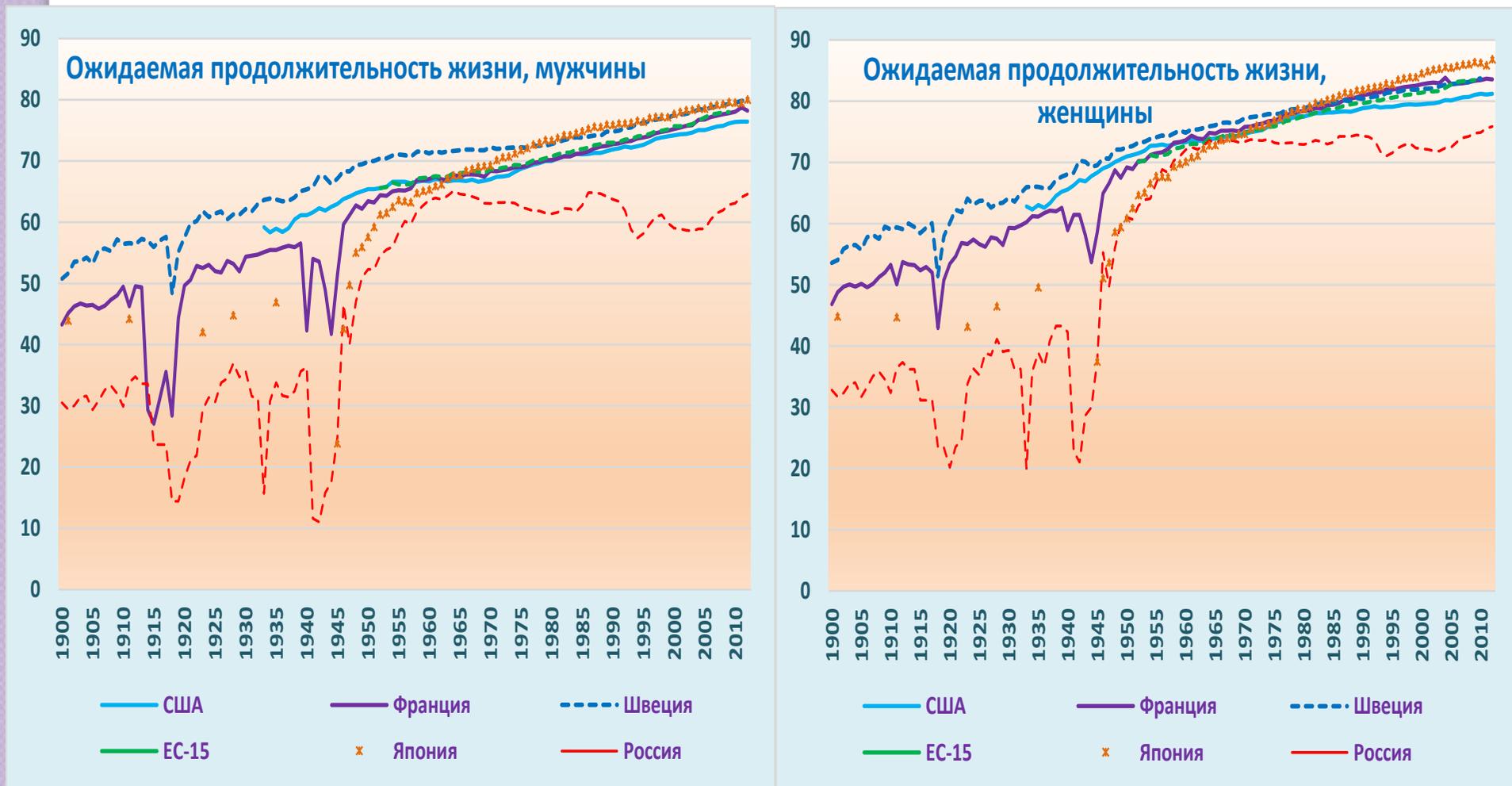

Последующее развитие событий было стремительным. Через 100-150 лет дети практически перестали умирать.

Рассуждения Зюссмильха о детской смертности потеряли всякий смысл.

XX век ознаменовался триумфальным ростом продолжительности жизни. На протяжении всей человеческой истории этот показатель почти никогда не превышал 35 лет, теперь во многих странах он повысился до 80 лет, а иногда и более.

Рассуждая в терминах «Божественного порядка» и говоря языком Зюссмильха, можно ли предположить, что все эти изменения произошли без ведома Божественного Провидения или вопреки его всеблагой воле? А если нет, то не означает ли это, что Бог сам внес изменения в существовавший порядок, и этот порядок, по-прежнему оставаясь Божественным, стал другим?

Каждый может попытаться сам ответить на этот вопрос, сообразуясь с имеющейся у него картиной мира. Но никто не может отрицать, что условия умножения рода человеческого изменились, и в новых условиях играть по старым правилам стало невозможно.

Главное изменение заключалось в том, что смертность полностью утратила свою роль регулятора роста населения, а всех остальных механизмов, сдерживающих рост населения, оказалось недостаточно. Это грозило необратимым нарушением демографического равновесия с очень серьезными последствиями, которые мы потом наблюдали (и наблюдаем) в Третьем мире.

За всю человеческую историю до начала **XIX** в. число людей на Земле выросло до 1 миллиарда человек. (Зюссмильх имел об этом довольно верное представление, оценивая население Земли в середине **XVIII** в. в 950-1000 млн человек). Мы видели, что население Европы за первое тысячелетие вообще не выросло, а потом если и росло, то очень медленно. Все это свидетельствует о том, что из поколения в поколение на смену двоим родителям, в конечном счете, приходило, в среднем, **двое детей** или около того. Рождалось, конечно, намного больше, но смертность заботилась о том, чтобы равновесие не нарушалось.

Теперь равновесие нарушилось, масштаб и последствия нарушений становились все более ощутимыми, и нужно было найти адекватный ответ на этот вызов, который позволил бы восстановить нарушенное равновесие и вернуться к прежней норме замещения поколений: примерно двое детей на смену двоим родителям.

Этот ответ был найден.

Но кто его нашел, если говорить о Европе, которая первой столкнулась с этим вызовом? Государство? Церковь?

Его нашла семья, его нашли миллионы мужчин и женщин, двигаясь ощупью, путем проб и ошибок, почти всегда преодолевая сопротивление даже близкого окружения, не говоря уже о государстве и церкви, и практически никогда не получая их помощи и поддержки.

С одной стороны, это не удивительно, потому что именно семья первой ощутила эрозию прежнего Божественного порядка.

Этот порядок, как его понимал Зюсмильх, приводил к тому, что, вопреки широко распространенным сейчас представлениям, на статистическом уровне и в Европе, и в России многодетность, как и сейчас, была относительно редким исключением, среднее же число выживающих детей в семье если и отличалось от того, какое наблюдается сейчас в европейских странах, то ненамного.

Снижение смертности вело к постепенному превращению многодетности из редкого и исключительного феномена во все более массовое явление, и это первой почувствовала именно семья, все чаще сталкиваясь с множеством непривычных проблем – дроблением наследств, недостатком земельных наделов, невозможностью прокормить детей и т.п.

Поначалу это осознали семьи, принадлежавшие к верхним слоям европейского общества – аристократии и буржуазии. В Европе это произошло уже в XVIII в., если не раньше, но, в конце концов, докатилось и до России.

Вот размышления на эту тему многодетной Долли Облонской из «Анны Карениной» Л.Толстого.

«И все это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети... Так что и вывести-то детей я не могу сама, а разве с помощью других, с унижением. Ну, да если предположим самое счастливое: дети не будут больше умирать, и я кое-как воспитаю их. В самом лучшем случае они только не будут негодяи. Вот все, чего я могу желать. Из-за всего этого сколько мучений, трудов... Загублена вся жизнь!»

Постепенно озабоченность непосильной многодетностью распространилась на крестьянское и городское население. Не случайно основателем неомальтузианского движения, имевшего целью снижение рождаемости в браке, стал Фрэнсис Плэйс, английский рабочий активист, отец 15 детей.

«Неомальтузианство» как раз и было тем решением, которое было найдено и реализовано в массовой практике миллионов семей, вначале европейских. Впоследствии оно распространилось на весь мир.

Это решение означало переход к регулированию рождаемости в браке самими родителями, решавшими по собственному усмотрению, когда и сколько детей им иметь.

Переход к внутрисемейному регулированию деторождения означал полный разрыв с прежним Божественным порядком. Он дался европейскому обществу нелегко, ибо подрывал устои, казавшиеся незыблемыми, в корне противоречил всем привычным культурным установкам.

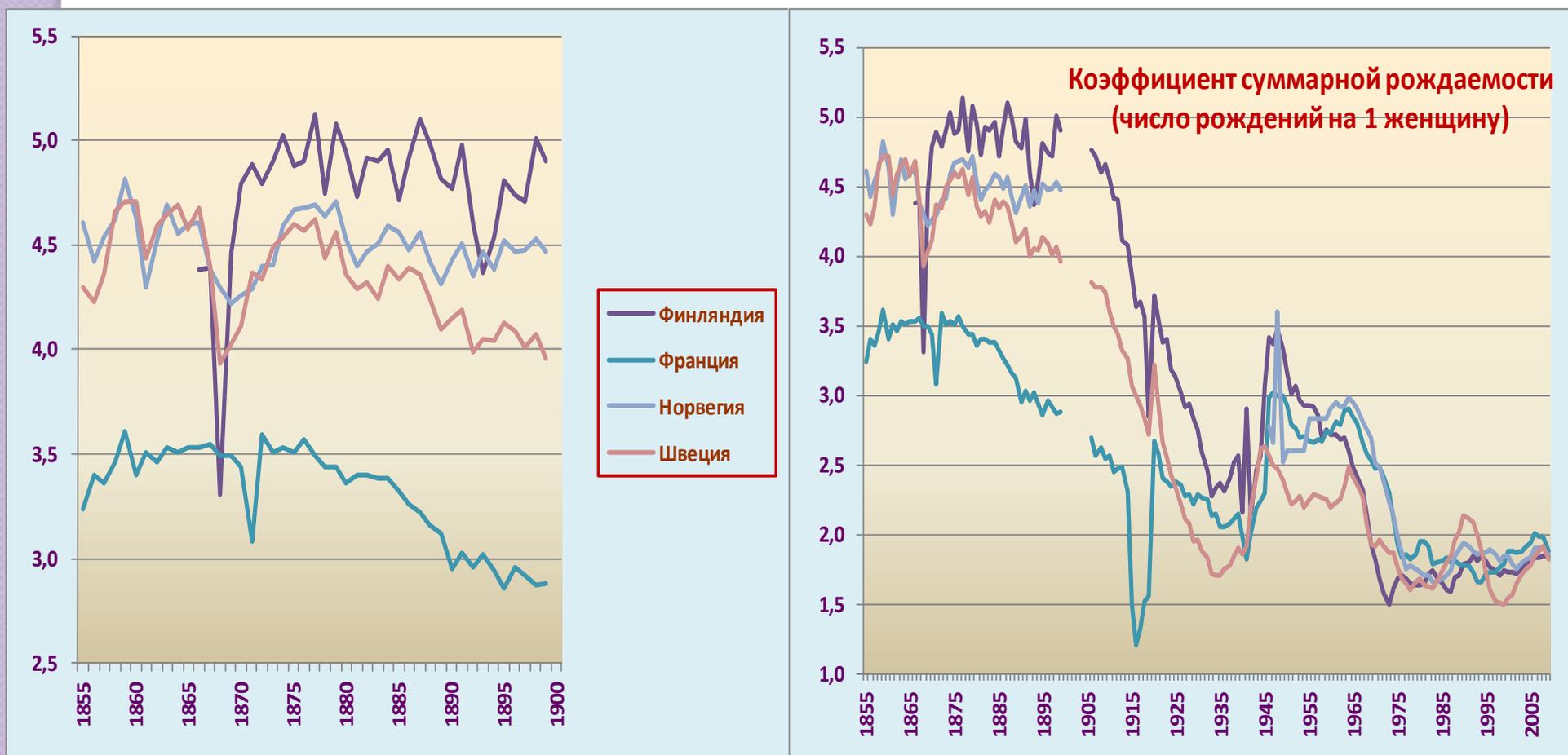
Мальтус, сторонник снижения рождаемости, допускал его только в рамках Божественного порядка, через брачность, а о свободном выборе супругов писал с ужасом: «Если бы каждая супружеская пара могла по своему желанию ограничивать число своих детей, то, несомненно, тогда имелись бы все основания опасаться, что среди людей слишком распространится праздность; и что ни население отдельных стран, ни население всей земли в целом, никогда не достигнут своей естественной и должной численности»

Миллионы людей, задававших себе те же вопросы, что и Долли Облонская, были, как и она, морально не готовы к ограничению числа рождений.

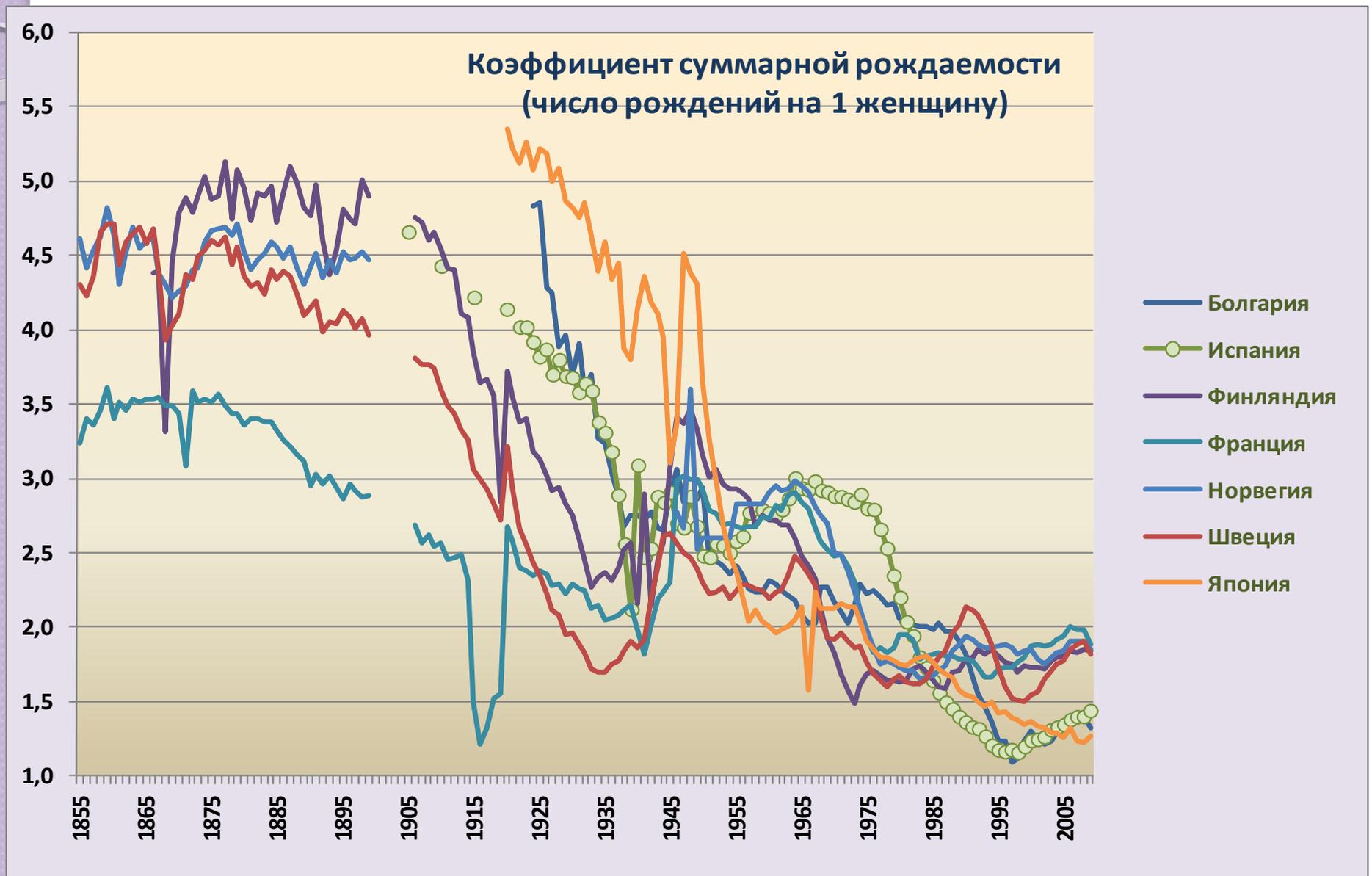
Она, образованная женщина, во второй половине XIX в., вообще не знала, что это возможно, Когда же Анна Каренина передала ей слова врача о том, как это можно сделать, у нее на лице появилось «выражение гадливости».

«Открытие это, вдруг объяснившее для нее все те непонятные для нее прежде семьи, в которых было только по одному и по два ребенка, вызвало в ней столько мыслей, соображений и противоречивых чувств, что она ничего не умела сказать и только широко раскрытыми глазами удивленно смотрела на Анну. Это было то самое, о чем она мечтала еще нынче дорогой, но теперь, узнав, что это возможно, она ужаснулась».

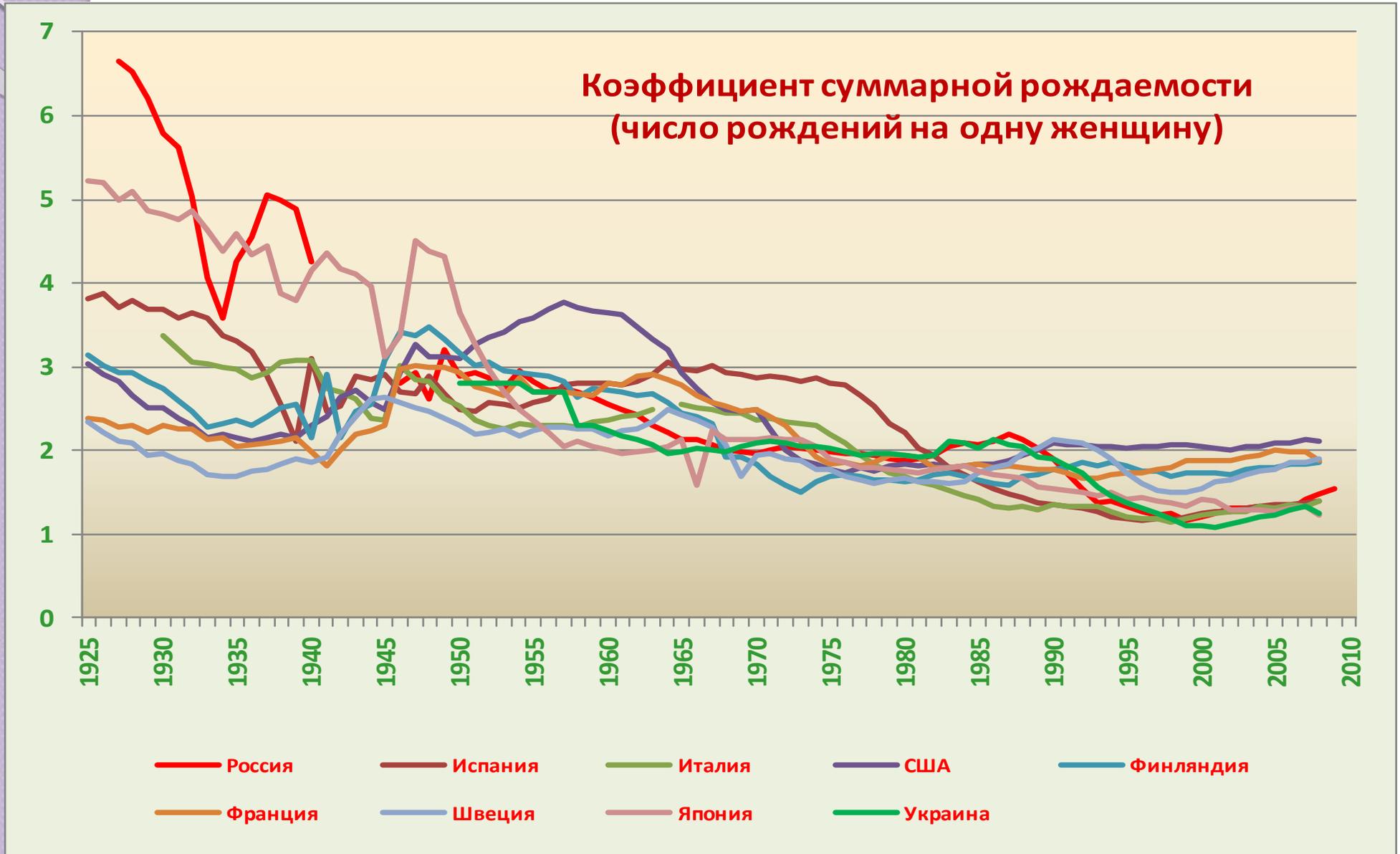
Возможно, так же ужаснулись в свое время и воспитанные в традиционных правилах жители европейских стран - пионеры поиска нового демографического равновесия и возврата к средней двухдетности. Но уйти от этого поиска они не могли. Пионером снижения рождаемости стала Франция, какое-то время она оставалась исключением, но с конца XIX в. к ней присоединились и другие европейские страны.

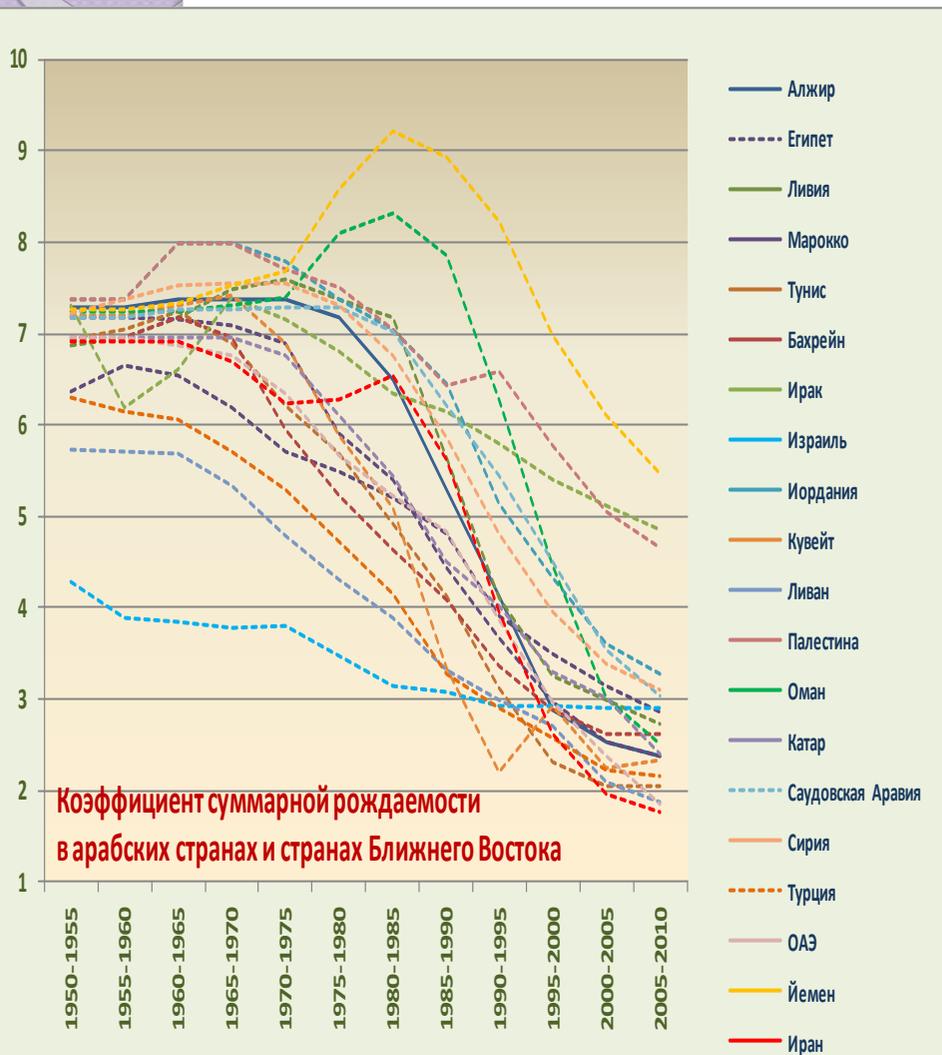
Еще в конце XIX века в нынешних развитых странах женщины за всю жизнь рождали, в среднем, 4-5 детей, в конце XX в. - меньше 2 детей

В первой половине XX в. Россия (как и Япония) еще заметно отличалась от европейских стран и США, но после Второй мировой войны принципиальные отличия исчезли.

Низкая рождаемость, соответствующая новым условиям равновесия, вышла за пределы Европы и распространилась почти на все население мира. Ее триумф можно проиллюстрировать примером Ближнего Востока, который все еще многим представляется цитаделью высокой рождаемости.

В середине прошлого века в этом регионе лишь Израиль выделялся относительно низкой рождаемостью. С тех пор она снизилась в Израиле, но сейчас большинство стран региона имеют рождаемость, более низкую, чем в Израиле. За 60 лет большинство стран переместилось из зоны значений коэффициента суммарной рождаемости 6-7 в зону значений 2-3 рождения на одну женщину.

В итоге перемен, занявших всего одно-два столетия, человеческая цивилизация впервые в истории стала цивилизацией низкой рождаемости, и это влечет за собой бесчисленные следствия, затрагивающие каждого из нас.

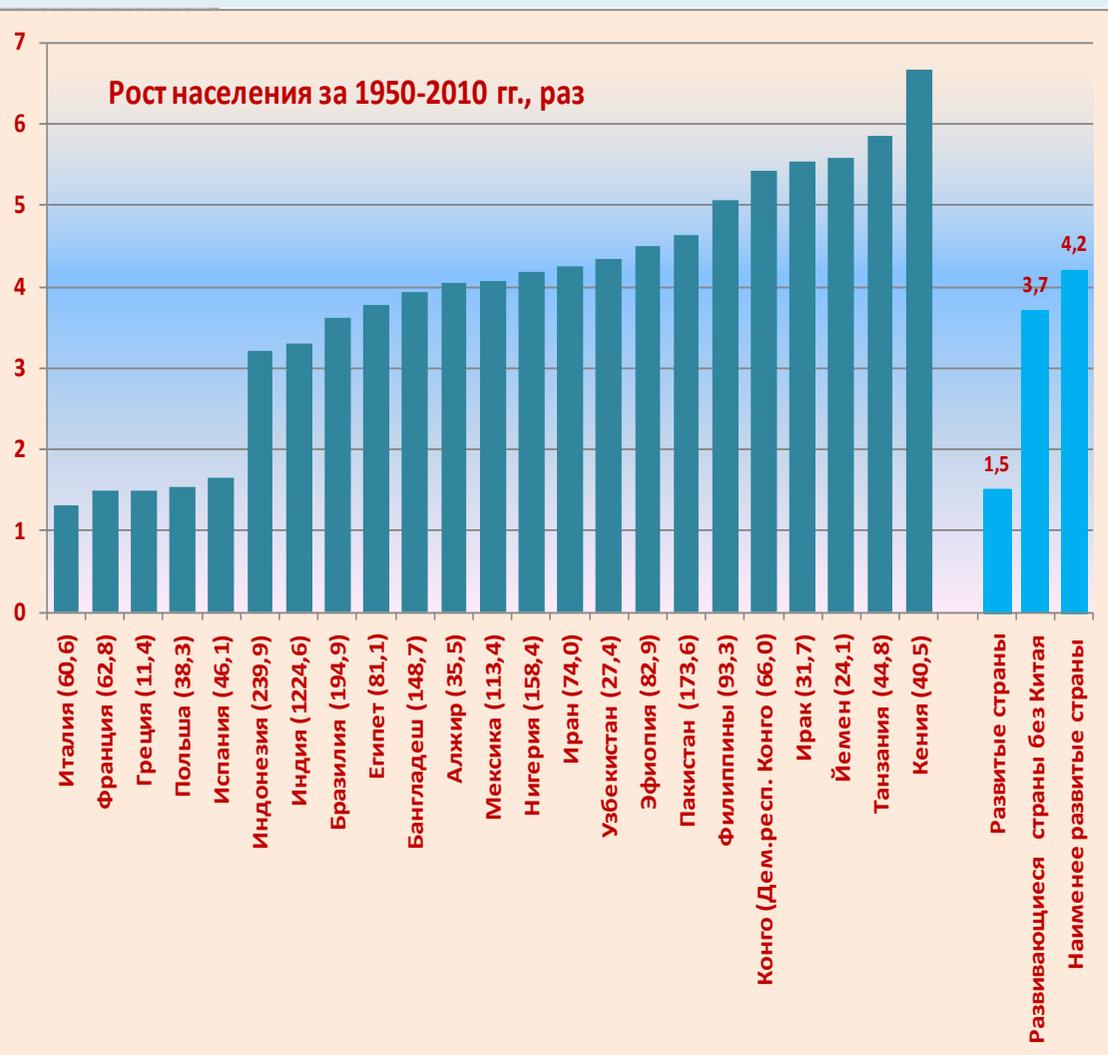
Внутрисемейное регулирование деторождения с помощью современных методов «планирования семьи» - это огромная культурная инновация, но как только эта инновация признается и получает культурную санкцию, она оказывается звеном в цепочке множества вытекающих из нее неизбежных перемен.

Они затрагивают всю исторически сложившуюся систему организации частной жизни человека, казавшиеся незыблемыми формы брака и семьи, внутрисемейные отношения, половую и семейную мораль, положение женщины и ребенка в семье и обществе и многое другое, что естественно вписывалось в прежний «Божественный порядок», но не вписывается в новый и требует полного обновления.

Едва ли не главная из этих перемен - исчезновение закреплённой всеми предшествовавшими крупными культурно-нормативными системами слитности сексуального, матримониального и прокреативного поведения, автономизация каждого из них.

Эта автономизация – не чья-то прихоть. Она становится неизбежной, когда, в интересах поддержания прежнего равновесия в условиях низкой смертности, прокреативное поведение должно обособиться от сексуального, ибо рождение ребенка уже не может быть неконтролируемым последствием полового акта.

О том, чем чревато сохранение традиционной слитности сексуального, матримониального и прокреативного поведения в условиях низкой смертности, говорит глобальный демографический взрыв в развивающихся странах.

Стремительное снижение смертности с помощью перенесенных с «Запада» медицинских технологий и здравоохраненческих практик привело к столь же стремительному, небывалому распространению многодетности и росту населения в разы за несколько десятилетий.

Теперь прекращение роста населения, как можно более быстрое снижение рождаемости в развивающихся странах стало первостепенной заботой уже не семей, а правительств. Но без автономного прокреативного поведения такое снижение невозможно.

Новый демографический порядок распространяется уже на миллиарды людей и повсеместно требует перелопачивания огромного пласта культуры, связанного с экзистенциальными, затрагивающими глубинные стороны существования человека вопросами рождения, смерти, любви, привязанности, преданности, в конечном счете, всего, что относится к личной, частной жизни человека.

Центром, в котором реализовалась эта сторона человеческой жизни, на протяжении тысячелетий была семья. Какая судьба ждет теперь семью?

Лев Толстой:

Семья эволюирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается. Может быть, большое количество людей, держащихся целомудрия; могут быть браки временными и после рождения детей прекращаться, так что оба супруга после родов детей расходятся и остаются целомудренными; могут дети быть воспитываемы обществом. Нельзя предвидеть новые формы. Но несомненно то, что старая разлагается...

Всего нельзя предвидеть и сейчас. Возврат к старой традиционной семье, видимо, уже невозможен. Обособившись, все три вида поведения начинают жить своей жизнью, растаскивая прежние функции семьи по частям.

Европейские, а теперь уже и неевропейские общества, вступили в полосу поиска, в котором участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды семей на протяжении нескольких поколений, постепенно преодолевая инерцию прошлого, отказываясь от сложившихся установлений и вырабатывая новые институциональные формы и новую культурную регламентацию индивидуальной, частной, личной жизни людей, трассирования их индивидуального жизненного пути.

Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества.

Если говорить о семье, органично встроенной в прежний «Божественный порядок», то это, несомненно, кризис, от которого ей уже не оправиться.

Кризис традиционной семьи порождает массу явлений в семейной и личной жизни, которые не вписываются в привычные представления о должном, создают напряжения в обществе, особенно на начальных стадиях перемен, вызывают кажущуюся оправданной критику.

На словах многие разделяют эту критику, но, судя по реальной практике многих стран, большинство людей принимают эти перемены и так или иначе вписывается в новые условия семейного существования.

Этому большинству нельзя отказать в праве на поиск адекватных форм и норм такого существования, который оно ведет на свой страх и риск.

Не понимая смысла этого поиска, Мизулины всех стран делают все, чтобы ему помешать, суют палки в колеса истории, что не может остановить ход истории, но может испортить жизнь огромному количеству людей. Кризис традиционной семьи и поиски выхода из этого кризиса они считают следствием не объективных и прогрессивных изменений, а результатом злонамеренного заговора, в лучшем случае, - чьего-то недомыслия.

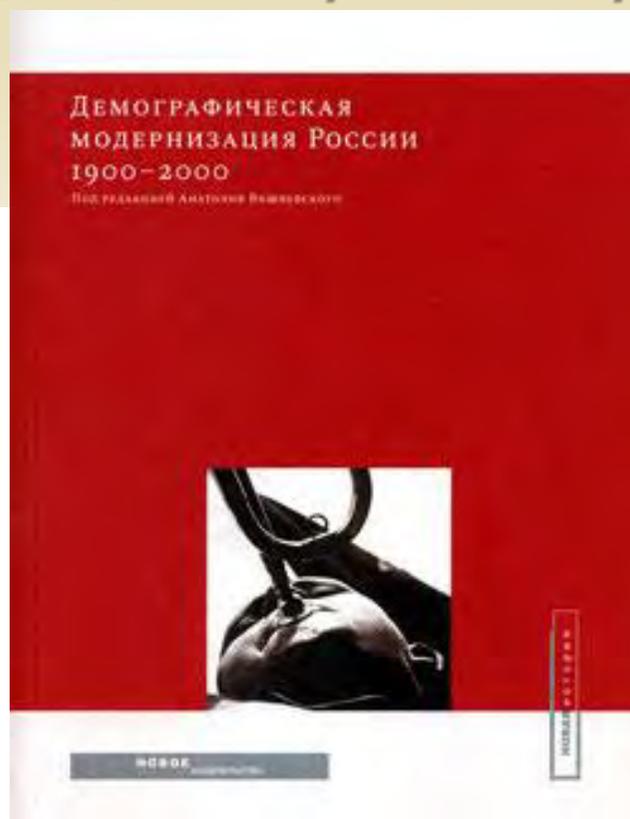
Патрик Бьюкенен, американский консервативный политик и публицист:

«Пропагандистские нападки на традиционную семью со временем привели к фактическому отмиранию этого общественного института».
«Контрацепция, стерилизация, аборт, эвтаназия – вот те четыре всадника, предвестники «апокалипсиса культуры», против которых выступит Господь в канун Страшного суда. Пилюли и презервативы стали серпом и молотом культурной революции».

В хоре возражений критиков «кризиса семьи» едва ли не громче всего звучит ностальгия по утраченному демографическому порядку.

Бьюкенен: «Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной Смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию... Католики, протестанты, православные – все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации».

Вскоре после публикации нашей коллективной монографии «Демографическая модернизация России: 1900-2000» (2006) вышла книга, полемически озаглавленная «Демографическая дезорганизация России: 1897-2007» (2007). Это был посмертный сборник избранных трудов В.А. Борисова, он был подготовлен А.И. Антоновым, которому и принадлежит название книги. В огромных демографических переменах XX века он не видит ничего, кроме дезорганизации, утраты старого порядка и уж точно не видит приходящего ему на смену какого-то иного, нового порядка.

Идея исчезновения вместе с прежним порядком всякого порядка, порядка вообще - не нова.

Представления о Божественном порядке предполагают, что поддержание демографического равновесия обеспечивается на надындивидуальном уровне, от отдельного человека ничего не зависит. Воздействовать на смертность на протяжении всей человеческой истории люди не умели, а воздействовать на рождаемость на индивидуальном уровне все крупные культурно-нормативные системы воспрещали.

Теперь же именно такое воздействие стало необходимым, и сразу же возникли опасения: можно ли столь важное дело доверить обычным людям?

Не имея широты обзора Божественного Провидения и ничего не зная о демографическом равновесии, как они смогут его поддерживать?

Мысль об исчезновении надындивидуального уровня регулирования представляется обеспокоенным демографам, а тем более политикам сама собой разумеющейся.

Угроза утраты равновесного порядка не дает покоя уже первопроходцам теории демографического перехода.

Адольф Ландри (1933): «На Земле преобладали... демографические модели, каждая из которых имела свою характерную точку равновесия. В рамках этих моделей действовали определенные факторы, которые изменяли условия равновесия, что приводило к росту населения. Но **появилась и распространяется новая модель, которая не предполагает равновесия.** Человек все больше и больше ограничивает деторождение, приближая момент, когда человечество больше не воспроизводит себя полностью».

Эта мысль питает демографический алармизм на протяжении многих десятилетий.

Альфред Сови (1963): Равновесие – не дар Божественного Провидения. Фатализм или пассивная вера в равновесие и естественные реакции – коварнейший из ядов, способных отравить народ.

«Если провиденциальное равновесие с течением времени может приобрести некоторую устойчивость, то это произойдет лишь благодаря тому, что люди, чье назначение состоит в том, чтобы служить орудиями достижения этого равновесия, останутся верными своей миссии».

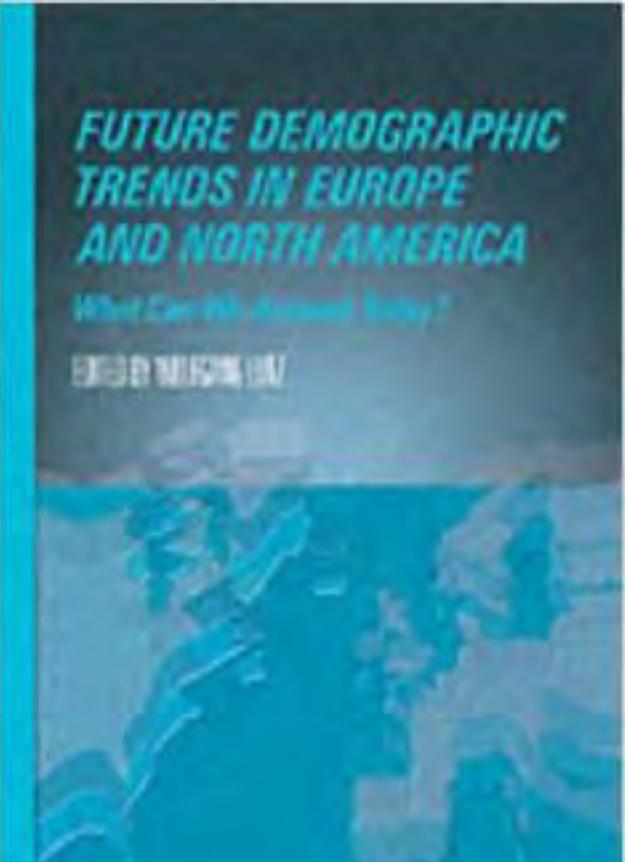
Спустя почти 30 лет, в 1991 г. в статье американского демографа Чарльза Вестофа под названием «**The return to replacement fertility: a magnetic force?**» снова читаем о **«метафизическом предположении**, что некий гомеостатический механизм будет обеспечивать поддержание нужного баланса... Еще несколько лет назад ООН в своих демографических прогнозах для Европы исходила из того же самого **мистического предположения** ... Прогноз ООН, казалось, предполагал некую подобную компасу **магнетическую силу**, которая вытащит эти страны из их заигрываний с сокращением численности населения и восстановит демографическое равновесие».

Демографы явно гордятся тем, что они не признают «мистической силы», управляющей поведением людей, и скромно указывают на себя как на подходящих кандидатов на тот случай, если надо будет заменить Божественное Провидение и подсказать, как восстановить утраченное демографическое равновесие.

Между тем, современная наука об обществе не отрицает надындивидуального уровня управления социальной системой, хотя это совсем не обязательно предполагает «мистику».

В той же книге, что и статья Вестофа, была и моя статья, которая называлась «Демографическая революция и будущее рождаемости: системный подход» и в которой утверждалось, что демографическая система не слишком зависит от экономических или социальных изменений, ибо «способна к гомеостазу - то есть, к поддержанию равновесия и стабильности внутренней среды даже при наличии внешних возмущений, до тех пор пока они не выходят за определенные пределы».

Я не вижу в гомеостазе ничего метафизического.

FUTURE DEMOGRAPHIC TRENDS IN EUROPE AND NORTH AMERICA

What Can We Assume Today?

Ed. By Wolfgang Lutz

Future Demographic Trends in Europe and North America

What Can We Assume Today?

Ed. By Wolfgang Lutz. 1991.

Reproduction: A. Kliger, Survey of Recent Fertility Trends and Assumptions Used for Projections. G. Feeney and W. Lutz, Distributional Analysis of Period Fertility. C. Calhoun and J. De Beer, Birth Expectations and Population Forecasts: The Case of the Netherlands. **C.F. Westoff, The Return to Replacement Fertility: A Magnetic Force?** N. Keyfitz, Subreplacement Fertility: The Third Level of Explanation. C. Höhn, Policies Relevant to Fertility. **A. Vishnevsky, Demographic Revolution and the Future of Fertility: A Systems Approach.**

Несколько позднее Вольфганг Лутц писал о «гомеостатическом аргументе», что «в наиболее явной форме его недавно высказал Вишневский (1991), который рассматривает уровень рождаемости не как сумму актов индивидуального поведения, но, скорее, как следствие эволюции системы, которая и определяет поведение людей».

Это действительно так. Я развивал идею демографического гомеостаза с начала 80-х годов, она изложена в моей книге «Воспроизводство населения и общество» (1982), а затем в ряде статей.

При этом я шел не от прямого наблюдения за тенденциями рождаемости, которые были достаточно ясны, а от общенаучных представлений о функционировании сложных систем.

Как вся социальная система, так и ее основные подсистемы, к числу которых относится и демографическая, будучи весьма сложными и обладая развитой и дифференцированной внутренней средой, способны к самоорганизации и обнаруживают характерную для всех сложных систем способность к гомеостазу, т.е. к сохранению существенных переменных в некоторых заданных пределах, даже если во внешней среде происходят довольно существенные возмущения.

Конечно, такие возмущения не могут совершенно не влиять на внутреннее состояние подсистемы, но получение сигналов об изменении внешних условий приводит к возникновению в подсистеме отрицательных обратных связей, которые значительно ослабляют эффект внешних воздействий.

Большого понимания эта идея не встретила и, если говорить об отечественной литературе, не встречает до сих пор. «Дезорганизация, дезинтеграция, энтропия, а не гомеостаз, равновесие становятся основополагающей характеристикой демографических изменений», - читаем мы в статье российского автора 1999 г.

Представления о самоорганизации демографической системы объявляются «неогегельянскими». «Фактически, так сказать, «спонтанно» воспроизводится тезис Гегеля о том, что «все разумное действительно, а все действительно разумно». ... При этом как-то само собой получается, что это спонтанное развитие всегда происходит в согласии с общественными и личными интересами, правда, не совсем понятно, почему (демогегельянство этот вопрос старательно обходит)».

Однако в зарубежной демографии лёд тронулся.

Ronald Lee (1987):

Парадоксально, что понятию популяционного равновесия, или гомеостаза, поддерживаемому зависящими от плотности факторами, которое играет доминирующую роль в изучении популяций животных, уделяется так мало внимания в демографии.

Dudley Kirk (1996):

«Возможно, наиболее перспективен для теории перехода подход с позиций равновесия, или гомеостаза»

Francesco C. Billari, Gianpiero Dalla-Zuanna (2013):

«В классическом описании демографического перехода гомеостаз занимает центральное место»

Подведем итоги.

Порядок никуда не исчез.

Гомеостаз – это и есть механизм поддержания порядка, соответствующего требованиям системы как целого, формирующимся на надындивидуальном уровне.

Демографический гомеостаз в человеческом обществе существовал всегда, существует и теперь. У людей, в отличие от популяционного гомеостаза у животных, о котором упоминает Рональд Ли, он имеет социальную природу, и уже поэтому он более надежен. По этой же причине сейчас он более надежен, чем во времена Зюссмильха, - это объясняется большей сложностью и внутренней дифференцированностью современных социальных систем.

Называть ли прежний или новый порядок «божественным» или нет – вопрос картины мира каждого.

Я могу лишь присоединиться к словам Дюркгейма: «Нужно выбирать между Богом и обществом... Этот выбор оставляет меня довольно равнодушным, т.к. в божестве я вижу лишь общество, преобразованное и осмысленное в форме символов».

Благодарю за внимание!